

песен. Понятна психологически и легендарная обстановка рассказа, сложившаяся в равеннских кружках.

Внешняя судьба Данте Алигьери за все это время полна неясностей; он постоянно исчезает из глаз; фактических сведений о нём мало. На первых порах он нашёл приют у властителя Вероны, Бартоломео делла Скала; поражение в 1304 г. его партии, пытавшейся силой добиться водворения во Флоренцию, обрекло его на долгое странствование по Италии. Мы видим его в Болонье, в Луниджьяне и Казентино. В 1308-9 гг. он очутился в Париже, где выступал с честью на публичных диспутах, обычных в университетах того времени. Здесь застала его весть, что император Генрих VII собирается в Италию. Идеальные грёзы его «Монархии» воскресли в нём с новой силой; он вернулся в Италию (вероятно, в 1310-м либо в начале 1311 г.), чая ей обновления, себе – возвращения гражданских прав. Его «послание к народам и правителям Италии» полно этих надежд, восторженной уверенности; он сам спешит преклониться перед цезарем-освободителем, в котором воплощал свои политические грёзы; он надеялся, торжествовал и грозил; это даёт содержание его письмам к императору и гражданам Флоренции, этому «смердному логовищу лисицы». Но император-идеалист внезапно скончался (1313), а 6 ноября 1315 г. Раньери ди Заккария из Орвьетто, наместник короля Роберта во Флоренции, подтвердил против Данте Алигьери, его сыновей и многих других декрет изгнания, осудив их на казнь, если бы они попались в руки флорентийцев. Есть известие, что Данте Алигьери было предложено вернуться, но под условиями унижительными для его достоинства, и будто бы Данте Алигьери горделиво отказался. Так говорит Боккаччио и дантовское письмо к одному безымянному флорентийскому другу, заподозренное новейшей критикой, как многие другие послания Данте Алигьери.

С 1316–17 г. он поселился в Равенне, куда его вызвал на покой синьор города, Гвидо да Полента, представитель нарождавшегося типа культурного тирана и поэт. Здесь писались или дописывались песни Рая, в кругу детей, среди друзей и поклонников, которых Боккаччио застал уже стариками и рассказы которых он записал. Латинские эклоги, которыми Данте Алигьери обменялся в последние годы жизни с болонским эрудитом и поэтом Джиованни ди Вирджилио, бросают вечерний свет на интимные отношения старившегося поэта. Джиованни звал его в Болонью, манил лавровым венком; и Данте Алигьери он когда-то снился, но во Флоренции, на берегах родного Арно. Теперь уже поздно, говорит он, да и друзья тревожно спрашивают: неужели он согласится? Сцена действия эклог, в которых беседующие лица – пастухи с классическими именами, подсказана идиллией и вместе действительностью: от неё веет прохладой соснового леса, знаменитой равеннской Пинеты, шёпот которой вспомнился Данте Алигьери в видениях земного рая (*Purg.* XXVIII, 19 и сл.).

Данте Алигьери скончался 6 сентября 1321 г. и похоронен в Равенне; великолепный мавзолей, который готовил ему Гвидо да Полента, не был воздвигнут за смертью последнего; ныне сохранившаяся гробница относится к более позднему времени. Всем знакомый портрет Данте Алигьери лишён достоверности: Боккаччио изображает его бородатым вместо легендарного гладко выбритого, но в общем его изображение отвечает нашему традиционному: продолговатое лицо с орлиным носом, большими глазами, широкими скулами и выдающейся нижней губой; вечно грустный и сосредоточенно-задумчивый. В трактате о «Монархии» сказался Данте Алигьери-политик; для понимания поэта и человека важнее всего знакомство с его трилогией *Vita Nuova*, *Convivio* и Божественной Комедией. Это в самом деле трилогия, хотя не в том смысле, как понимает её новейшая нем. критика, перенося в средние века обострённую борьбу современного человека, переходящего от детски непосредственной веры в период рационалистических сомнений, из которых полнота знания может снова вернуть к сознательному утверждению того, во что наивно верило сердце.

Данте Алигьери был человек строго религиозный и не пережил тех острых нравственных и умственных колебаний, отражение которых видели в *Convivio*; тем не менее за *Convivio* остаётся среднее в хронологическом смысле место в развитии дантовского сознания, между *Vita Nuova* и Божественной Комедией. Связью и объектом развития является Беатриче, в одно и то же время и чувство, и идея, и воспоминание, и принцип, объединившиеся в одном образе. В числе юношеских стихотворений Данте Алигьери есть один хорошенький сонет к его другу, Гвидо Кавальканти, выражение реального, игривого чувства, далёкого от всякой трансцендентности. Беатриче названа уменьшительным от своего имени: Биче. Она, очевидно, замужем, ибо с титулом монна (= мадонна) рядом с нею упоминаются и две другие красавицы, которыми увлекались и которых